

Андрей Дашков

Истории темных дорог

Сборник рассказов

СВАЛКА

Свалка была темным королевством, вечной тенью города, отброшенной в пространство окраины, изнанкой, замкнутым кругом существования, в котором сконцентрировалось нестерпимое и влекущее уродство урбанизации. Она разрасталась в течение двух десятилетий и сама превратилась в подобие города — со зданиями из контейнеров, улицами неуничтожимого хлама, памятниками из старых автомобилей, парками из срубленных деревьев и аллеями, посыпанными пеплом, — пока в результате действия законов какой-то неведомой топологии не стала местом, достойным изучения и поклонения.

Никто не знал точных границ свалки, и никто никогда не видел ничего, похожего на план или карту. Исказившееся пространство изменило и течение времени; человеческое сознание подверглось странной трансформации. Темное королевство жило по своим законам, не вспоминая о прошлом и забыв о будущем.

Бездомные и нищие были его подданными. Рангом выше стояли редко встречавшиеся и мрачные существа, именуемые работниками. И уж совсем мифической, почти божественной фигурой был заведующий, никогда не являвший миру свой загадочный лик.

Изредка в этой пустынной и мрачной городской тени появлялись гости — паломники из другой страны, приезжавшие на ревуших драконах грузовиков, полных животворящего мусора. Никому не приходило в голову следить за ними; их дальнейшая судьба оставалась неизвестной. Но были и такие, кто попадал сюда по велению собственной глупости...

Где-то работала слепая машина, управлявшая медленным ростом свалки. Безмозглые муравьи сами создавали место своей ритуальной смерти, как когда-то из космической пыли некто создал планету, ставшую местом его гибели...

Планета притягивала мусор, и он ложился на ее поверхность дьявольскими узорами, в которых заблудилась чья-то душа.

* * *

Рита поставила свой красный «опель-кадет» на маленькую уютную стоянку, окруженную с трех сторон кустами акации. В будке сторожа никого не

было, и она с сомнением обвела взглядом диковатый ландшафт. В «опеле» было установлено противоугонное устройство, однако Рита не представляла, кто мог бы здесь откликнуться на жалкое кваканье сигнала.

Машину ей подарил любовник, делавший деньги на торговле бензином, по случаю полугодового юбилея их знакомства. Рита была красива и с двенадцати лет знала, что выгодно себя продаст. Сейчас ее настоящее было безоблачно. Она обладала следующим: нескучной и не слишком напряженной работой в газете, удобной для завязывания знакомств; нюхом на скандал; талантом журналиста; богатым другом; двухкомнатной квартирой вблизи от центра, но на тихой улице; машиной; десятимесячным пит-бультерьером по кличке Босс; достаточной свободой передвижения и абсолютной легкостью в общении с людьми обоих полов.

Только вчера один из них, а именно редактор отдела, в котором Рита работала, дал ей задание написать статью о странных событиях, происходящих на городской свалке. Несмотря на внешнюю непривлекательность, тема была выигрышной, и все коллеги знали об этом. Чтобы заполучить это задание, Рите пришлось позволить старому дураку потрогать ее безукоризненную грудь, туго натягивавшую ткань

четырёхсотдолларового платья. А еще она дала ему несбыточную надежду и теперь чувствовала себя хозяйкой положения.

* * *

Слухи, бродившие по городу уже в течение пяти лет, превратили свалку в какое-то мистическое место, пугающее кладбище прошлых времен, черную комнату из детских сказок. Однако сводки криминальных происшествий давали этому фактическое подтверждение.

Количество людей, бесследно исчезнувших в районе свалки, давно превысило все рекорды. Кроме того, здесь исчезали мусоровозы и целые составы с промышленными отходами. Когда это случилось несколько раз и поиски с помощью вертолетов не дали результатов, узкоколейка, ведущая на территорию свалки, была закрыта для движения, а овраг, в котором она пролежала, превратился в место игр подростков с рабочих окраин. Иногда эти игры заканчивались плачевно.

Много раз окрестные жители наблюдали над свалкой странные явления, поставляя материал в газетные рубрики городских сенсаций. Вскоре это уже никого не удивляло; подобные сообщения прочно заняли место в ряду заметок об НЛО, появлениях всевозможной нечисти, жизни после смерти и письмах махариши.

Казавшаяся необъяснимой пассивность полиции и мэрии на самом деле объяснялась просто: город задыхался в потоке собственных отбросов. Закрыть свалку было невозможно, но даже в противном случае это не решило бы проблемы. Дырявый городской бюджет не обеспечивал удовлетворения и более насущных потребностей.

Таким образом, в этой теме было все, что нужно для хорошей статьи: немного мистики, немного злободневных городских сплетен, несколько жутких убийств, неповоротливость властей и проблема роста преступности.

* * *

Летний ветер доносил до нее особенный и ни с чем не сравнимый запах свалки. Высокий забор из бетонных плит протянулся по окрестным холмам бесконечной белой змеей. Только в одном месте — может быть, там, где змея кусала свой хвост — чернела чугунная решетка ворот: настоящее произведение искусства, почти забытого в пластмассовый век...

Ворота не открывались уже очень долго. Об этом свидетельствовали несколько висячих замков, ржавые цепи и засов, покрытый толстым слоем краски. Таким был навеки запечатанный парадный

въезд, обозначавший северный предел темного королевства.

Слева от ворот висел металлический щит с надписью:

ГОРОДСКАЯ СВАЛКА

Собственность муниципалитета

Захоронение радиоактивных отходов запрещено!

Выгул собак запрещен!

Въезд на территорию только при наличии формы 9!

Рита не имела никакого понятия о «форме 9», но подозревала, что столкнулась с явным анахронизмом. До сих пор ее журналистское удостоверение позволяло беспрепятственно проникнуть куда угодно, за исключением кабинетов начальника полиции и директора городской тюрьмы.

Под щитом обнаружилась неприметная дверь в стене, оказавшаяся незапертой. Рита толкнула ее, и перед нею открылся пейзаж постатомной эры в траурной прямоугольной рамке. Какое-то нехорошее предчувствие сдавило горло. Рита обернулась и бросила взгляд на свой красный «опель», ярко блестящий на фоне зеленой листвы акаций.

Она видела его в последний раз.

* * *

Небо было темно-фиолетовым, и по нему проплывали белые облака, словно райские острова в адском океане. Часы на руке свидетельствовали о приближении полудня, но казалось, что внезапно наступило время сумерек. Кое-где в лабиринте свалки сверкали огни, похожие на болотные, и, пожалуй, такие же лживые. Стояла мертвая тишина. Не было слышно пения птиц и зуда насекомых.

Рита улыбнулась, подбадривая себя и отгоняя неясную тревогу (суеверие не входило в число ее недостатков), затем подошла к указателю с надписью «КОНТОРА», слабо светившемуся даже днем. Стрелка была направлена в глубину аллеи, образованной рядами старых железнодорожных контейнеров. От некоторых из них остались только рамы.

Рита пожалела о том, что не взяла с собой фотографа. Конечно, фотографиями свалки никого не удивишь, но ей самой было бы гораздо уютнее в мужском обществе. Пощелкивая пальцами, она отправилась на поиски конторы и всемогущего здешнего распорядителя.

Следующий указатель попался ей на глаза шагов через двести. Рита повернула в узкий боковой проход между полужасыпанными

рельсовыми путями, на которых застыли проржавевшие платформы. Как выяснилось, рельсы исчезали среди холмов строительного мусора. Рита с сомнением посмотрела на свои туфли, выглядевшие здесь по меньшей мере неуместно, но в ее работе нужно было чем-то жертвовать. Иногда — личными вещами. Иногда — личным временем. Иногда — собственным достоинством...

Тропинка, пролежавшая между холмами, по которой она шла минут пять, привела ее к очередному указателю. Совершив еще несколько поворотов в довольно мрачных закоулках, она поняла, что заблудилась. Это ее несколько обескуражило. Указатели были чем-то вроде советов злого волшебника, начертанных на придорожных камнях сказочной страны.

Проблуждав еще с полчаса, Рита не на шутку испугалась. Все произошло как-то слишком быстро и незаметно; в результате она чуть ли не впервые в жизни очутилась в нелепой ситуации.

Рита попробовала отыскать обратный путь, но очень скоро поняла, что указатели либо исчезли, либо изменили свое положение. Это уже было похоже на ловушку. Но кто знал о приезде журналистки и кому нужно было заманивать ее сюда? Теперь она без иронии вспомнила о мистических рассказах, связанных со свалкой. Затем в голове промелькнула мысль о сексуальном

маньяке, которым мог оказаться, например, редактор ее отдела, имевший жену и троих детей, однако она отбросила ее как смехотворную. Происходящее больше напоминало подмостки театра абсурда — изнанка урбанизации, стрелки, уводящие в никуда, рельсы, упирающиеся в груды металлолома, абстрактные существа, не появляющиеся на сцене, вроде служителей этого Храма Отбросов... Или же ей снился сон, который мог быть истолкован ее психоаналитиком как проявление некоего комплекса, но лишь до тех пор, пока сон не превратился в кошмар. А предчувствие кошмара витало в здешнем воздухе, слишком плотном и пронизанном сотнями неприятных запахов. Теперь в нем сильнее всего ощущался запах мокрой шерсти какого-то животного...

Рита почувствовала холод в желудке — первый, чисто физиологический признак страха. Кричать казалось унижительным и бессмысленным. Она представила себе, каким ироничным будет отношение к ней, какими будут ответы на вопросы, если ее, эдакую бойкую и соблазнительную штучку, найдут визжащей от растерянности.

Время здесь текло по-иному. В полдень по ее часам над свалкой сгустились сумерки. Редкие огни засверкали ярче, но ни к одному из них Рите так и не удалось приблизиться. Возможно, имел место оптический обман. Не исключено, что искажалось

ее восприятие... Спустя еще полчаса она почувствовала себя безмерно уставшей.

Когда Рита уже готова была закричать от отчаяния, она вдруг наткнулась на серый одноэтажный дом, похожий на казарму, — с решетками на окнах и плоской крышей из оцинкованного железа. В двух окнах из десяти горел свет.

Это дало ей надежду. С безмерным удивлением Рита прочла надпись «КОНТОРА» рядом с дверью, медленно поворачивавшейся на петлях, хотя в воздухе не было и намека на ветер.

* * *

Она вошла в полутемный коридор со стенами, выкрашенными в грязно-зеленую краску. С выбеленного потолка свисали какие-то наросты. На одной из стен чем-то темным было написано: «LONG LIVE ROCK'N'ROLL!», на другой: «Мальтус — дурак». Насколько Рита могла судить, почерк был один и тот же. Она не любила рок-н-ролл и не читала Мальтуса. Человек, написавший это, был ей потенциально неприятен.

...Стук высоких каблучков гулко отдавался в пустом доме. Пустом? Откуда она взяла это? Несколько раз Рита согнула и разогнула холодеющие пальцы. Она свернула в другой

коридор, в котором было пять или шесть дверей. Она толкнула правую, но та оказалась запертой. За второй дверью образовалась расширяющаяся пропасть темноты, и Рита поспешно закрыла ее. Ощущение чужого присутствия там, в темноте, вызвало у нее резкую дрожь. Она едва не взвизгнула от ужаса и почти бегом устремилась дальше.

Рядом с третьей дверью висела простая табличка из темного дерева с лаконичной надписью «Заведующий». Каждая буква испускала слабое свечение и была углублена в деревянную поверхность на несколько миллиметров. Рита никогда не видела ничего подобного.

Она постучала. За дверью раздался сухой шорох, будто гигантское насекомое складывало крылья. Человеческий голос произнес что-то нечленораздельное, и она восприняла это как разрешение войти.

Рита толкнула дверь и увидела плохо освещенную комнату с низким потолком. На стене против двери висели старинные маятниковые часы. Почему-то сверкание маятника привлекло ее внимание в первое мгновение. Но она даже не заметила, что секундная стрелка движется в другую сторону...

Потом она увидела огромный, роскошный и совершенно неуместный здесь стол, на крышке

которого было натянуто зеленое сукно. За столом сидел высокий, лысый, неестественно бледный человек с потухшими глазами и медленно пережевывал что-то, а на столе лежал голый мертвец.

Рита покачнулась и нашла плечом дверной косяк. Некоторое время она смотрела на труп широко открытыми глазами. Потом ее так и не родившийся крик перешел в нервный смех.

* * *

То, что показалось ей мертвым телом, на самом деле было манекеном, видимо, подобранным тут же, на свалке. У него отсутствовали кисти и ступни. Гладкий пластмассовый череп отражал свет единственной лампы, освещавшей королевские апартаменты.

Король совершенно не удивился, заметив Риту, и равнодушно уставился на нее. Его плотно сжатый рот был похож на еще одну горькую складку в дополнение к тем, что обильно избороздили лоб. Потом он вдруг заговорил глухим голосом, произнося фразы нараспев, как будто читал поэму или заклинание. Но Рите это показалось именно поэтическим фрагментом без начала, смысла и конца:

...Вечное море моих снов —
море одного закрытого глаза.

Крики уродливых рыб, текучих кошмаров...

Они приходят из тьмы и уходят во тьму
в поисках пищи — те, кого Он наказал
пустотой.

Последнее, что остается
в конце любых сновидений,
на самом дне закрытого глаза, —
привязанность к темному морю...

Слова подействовали на Риту гипнотически.
Она смотрела прямо в бледное лицо лысого
человека, и постепенно это лицо стало исчезать,
превращаясь в пустое зеркало, ничего не
отражавшее...

Человек встал, обошел стол и приблизился к
Рите, но она как-то не осознавала этого. Голос
проливался сквозь нее, словно черный ручей
забвения, смывающий все наносное:

...В зеркалах, развешанных в наших
убежищах,

крадется нечто совсем другое —
то, что иногда обманывает нас,
смотрит из-за звезд
или приходит со смертью.

Почти неслышное, как голоса зарытых в
землю,
слишком чужое, чтобы мы захотели знать;
слишком страшное, чтобы выйти за дверь,
когда снаружи буря
и ветви стучат в окно...

Человек приближался, а она стояла,
избавляясь от лжи и мишуры, облепивших ее
плотным непроницаемым слоем за всю
предшествовавшую жизнь.

Странная магия здешнего короля за несколько
минут сделала то, чего Рита не могла достичь
самостоятельно, читая Раджниша и Дайсэцу
Судзуки, покуривая травку со своим другом,
слушая записи шума бамбуковых рощ на своем
«Philips» CD 950, а также занимаясь
нейролингвистическим программированием по
вечерам дважды в неделю.

Она стала по-настоящему обнаженным
существом, ее истинное «я» вдруг соприкоснулось с
миром впервые за множество инкарнаций. Это
было жутко, возвышенно и безнадежно...

Предметы потеряли свои обличья и
превратились в то, чем и были всегда, — то есть, в
пустоту, из которой сознанием были сотканы
иллюзии. Слова перестали быть словами, хотя
где-то, в придуманном слое жизни, бесконечно

тонком и совершенно незначительном, еще звучал
глухой голос безликого короля, поймавшего в свои
сети благодарную жертву:

...Пока на убыль идет солнце,
бросают записки в бутылки,
запечатывают сургучом упований,
держась на поверхности скуки,
боясь утонуть вдали от пустых островов,
где друг друга зовут
электрическим звуком и жестом, —
или на асфальтовых отмелях,
не признающих следов...
Никогда не бывшие все же,
наполнив аквариум ночи
доверху плотью пространства,
сидят и едят цветы...
В тених суетятся ничейные птицы,
прыгают с ветки на ветку,
бьются в сетях паутины...
Блуждает поезд в длинных туннелях планеты,
курим сквозь водосточные трубы...
Сто тысяч лет пути
до ближайшего острова света.
А значит, практически мы одни...

Король оказался рядом, склонился перед
Ритой и резким движением разорвал платье у нее на

груди. Потом он впился в ее правый сосок долгим болезненным поцелуем, а она просто смотрела на это чуть свысока, безразлично и бесчувственно, как на еще один эпизод бытия, вдруг ставшего непонятным.

Страх и отвращение пришли позже, когда человек отпустил ее и она увидела влажный розовый бутон, распускающийся на месте ее соска. Бутон раскрывал лепестки, а на каждом из них копошились какие-то черные насекомые, гнездившиеся у нее в груди...

Король с улыбкой смотрел на нее снизу, и вдруг она осознала, что у него не человеческое лицо, а звериная морда. Оборотень с дикими искрящимися глазами был рядом, огромный красный язык, похожий на фаллос, свисал между желтоватыми клыками, а морда уже тянулась к ее горлу. В ту же секунду она поняла, что манекен все-таки был трупом с обглоданными конечностями и сожженными волосами...

Она тихо завывала от ужаса, повернулась и побежала на тонких подламывающихся каблуках, слыша сзади тяжелое дыхание животного.

В результате кошмара, пережитого наяву, Рита сильно изменилась. Теперь, когда она обрела первозданную свежесть восприятия, контора показалась ей церковью чужой религии — религии гораздо более бесчеловечной, чем сатанинские

культы, потому что здесь не осталось вообще никаких человеческих измерений. Где-то в сокровенной глубине был спрятан алтарь, или надгробие, или просто Место Нестерпимого Страха; любое из смертоносных течений, не говоря уже о короле-оборотне, могло занести ее туда...

Если бы Рита хоть что-нибудь соображала, она поняла бы, что превратилась в ничто.

* * *

Снаружи была глубокая ночь. В ней сияла холодная злая луна, очертившая айсберги мусорных куч и бастионы из мертвых монстров, созданных доисторической человеческой расой.

Рита выскочила в ледяное безграничное пространство, и церковь сразу же уменьшилась, съежилась, провалилась во тьму вместе со своим двуликим отцом. Остался только отголосок его воя, слюна прощального поцелуя на груди под разорванным платьем и воспоминание об опасности, притаившейся между клыками....

Теперь она знала точно, что люди давно исчезли с лица этой изменившейся земли, вся история была ошибкой, а любая индивидуальная история — диким заблуждением, сном слепого, грезящего о красках...

Рита снова вошла в лабиринт, подчиняясь

липкому течению ночи, зову луны и чудесных запахов, ставших доступными благодаря магии. Все было новым и волшебным — хрустальные существа, парящие в небе, вибрации еще не родившейся музыки, феерия переливающихся струй света и тьмы, запахи никем не названных пятен, таинственные силуэты...

Она медленно гуляла по затененным улицам свалки, блаженно улыбалась, и теперь редкие указатели вызывали у нее лишь смех. На них были буквы и символы, имеющие смысл только в одном мире, давно утратившем всякое значение. Главное — не приближаться к алтарю и оборотню, остальная территория королевства была целиком в ее распоряжении.

Когда забрезжило утро, пришло отрезвление. Рита почувствовала холод, голод и увидела окружавшую ее грязь. Она не помнила, где потеряла свою сумочку. Там лежали ключи от машины и сигареты. В мозгах был жуткий кисель, разогнать который могла только хорошая порция никотина. Пальцы мелко дрожали. Она отметила, что вчерашний безукоризненный маникюр поврежден. Ей оставалось лишь искать выход из этой дурацкой ловушки. Отчаяние и голод в равной степени донимали ее...

На второй день ей пришлось побороть брезгливость и съесть почти целое яблоко,

лежавшее среди пищевых отбросов, словно яйцо в гнезде. Это был плод от райского дерева. Так начиналась новая жизнь...

* * *

...С тех пор она бродит по темному королевству в поисках выхода и той, почти забытой двери, за которой остались красный «опель-кадет», редакция, уютная квартира, город, любовник и вся ее прошлая жизнь.

Лабиринт свалки бесконечно сложен, его ориентиры обманчивы, люди здесь молчаливы, и их бессмысленно о чем-либо расспрашивать. Они живут в другом измерении, и постепенно Рита тоже перемещается туда — сначала тело, потом душа. Грубеют ноги и руки, невымытая кожа пахнет по-звериному, глаза становятся добрыми и пустыми. Прошое уже кажется ей не слишком реальным — так, что-то вроде неясного сна — и больше похоже на сказку, рассказанную кем-то. Она даже не помнит — кем.

За ненужностью она избавляется от разных вещей — туфель, колец, маникюра, воспоминаний, умения читать надписи на указателях. Ее жизнь становится естественной и простой, как у бродячей собаки. Курительные палочки дарят ей дым для грез, а обжигающая жидкость на дне бутылок —

ощущение полета и зыбкости. Кружится мир, кружатся огни, кружится время...

Ночами она смотрит на луну; в зависимости от фазы ощущает приливы и отливы внутри себя; теперь она «чувствует» благоприятные места, в которых можно спать, и места опасные, которых следует избегать. Еды (отбросов) хватит на всю оставшуюся жизнь, тем более что взамен утраченного Рита обрела счастливую способность не беспокоиться о будущем.

Редкие грохочущие драконы, конечно, пугают ее, но они же оставляют много новой еды, тряпья, чтобы согреться в холод, и всякий раз чуть-чуть меняют пейзаж. Ей не приходит в голову использовать дракона для побега; ведь драконы увозят к закату и смерти...

Живые существа, двуногие и четвероногие, не делятся на врагов и друзей; все они представляются друг другу лишь тенями — иногда ужасающе реальными. Как-то раз одна из таких теней изнасиловала Риту. Самец вошел в нее быстро и грубо; под конец ее пронзила животная похоть... Но в целом жертва была апатичной и через час уже забыла о случившемся. Некто пришел из тьмы и навсегда канул во тьму — стоило ли придавать этому хоть какое-то значение?

Ее одиночество невыразимо глубоко и безнадежно, как одиночество звезды в холодной

пустоте космоса, но Рита не страдает, потому что нет ничего, кроме этого. Таково существование, и оно неоспоримо для тех, кто живет здесь.

С тех пор она бродит по темному королевству...

Ноябрь 1995 г.

ЧЕРНЫЙ «РОВЕР», Я НЕ ТВОЙ

Вовчик был большим, серьезным и страшноватым на вид мужчиной. Тяжелая платиновая цепь смотрелась на его шее как строгий ошейник на бульварьере. Водянистые глазки ржавели под крепким козырьком из сильно выдвинутых вперед надбровных дуг. Кожа была мучнисто-белой, незагорающей; лицо — грубым, но правильным. По отдельности придраться вроде бы не к чему; все вместе производило странное впечатление живой маски. Когда Вовчик задумывался об абстрактных вещах, в его облике проявлялось нечто от инопланетного монстра. Такое случалось редко, однако тупым он не был никогда. Он оказался даже слишком неординарной личностью там, где лучше всегда оставаться в тени. Однажды его хозяева решили, что ему пора исчезнуть, и он догадался о том, что решение

принято, чуть раньше, чем им хотелось бы. У него хватило благоразумия вовремя убратся. И место, где он хотел спрятаться, было выбрано верно — единственное место, в котором его не достанут самые длинные руки в мире...

Вовчик въезжал в закрытую зону в приподнятом настроении. Впрочем, закрытой она была лишь для тех, кто не хотел возвращаться. Вовчику путь назад был заказан. Такой остроты чувств он давно уже не испытывал. Ему предстояла игра, результат которой невозможно предугадать. Нечто подобное происходило с ним в пору его спортивной молодости, когда он выходил на ответственный матч.

В те безвозвратно ушедшие денечки его, как щенка, возбуждало буквально все: закулисные интриги, хвалебные или ругательные статейки в газетах, рев зрителей, пришедших взглянуть на современных гладиаторов, ощущение собственной физической мощи и энергии, бьющей через край, ярость соперников, их грязные приемчики, не менее яростный натиск собственной команды, когда тела сливались в одну безликую таранящую массу. И, конечно, восторги девушек.

Сейчас это казалось немного смешным, а тот, юный Вовчик, — едва знакомым парнем, кем-то вроде друга детства, о котором вспоминаешь спустя много лет; однако закалка регбиста пригодилась

ему в делах более насущных. До сих пор он сочетал силу, быстроту, ловкость и тактические способности. Отчасти поэтому остался живым и здоровеньким. Только пара шрамов на теле напоминала о том, что зевать в любом случае не стоит. И качество серого вещества у Вовчика тоже, по всей видимости, было выше среднего. Это — свое, данное от рождения. Загадочные маленькие клеточки, на которые не действуют стероиды. А если и действуют, то не лучшим образом...

Вовчику не испортила настроения даже болтовня старой цыганки, которая, возможно, вывела бы из равновесия более впечатлительного и суеверного человека. Ему приходилось видеть мертвецов с амулетами и всеми признаками настоящих «счастличиков» на посиневших телах. Он не верил в знамения, в судьбу, в бога, в дьявола, в государство, в переселение душ, в правосудие, в рыночную экономику, а также в теорию вероятности. Он считал, что, играя, например, в «русскую рулетку», всегда можно подменить патроны.

* * *

Цыганку избивали менты на окраине Центрального рынка. Привычное дело — мошенничество с валютой или просто мелкая

кража. Вероятно, бабка даже заслуживала профилактического пинка под зад. В другое время Вовчик равнодушно проехал бы мимо. Глупо ссориться с милицией. Но для отъезжающего навсегда, как и для неизлечимо больных, некоторые условности теряют силу. Менты оказались рослыми и здоровыми, и все же это были обыкновенные патрульные быки, вдобавок нездешние и малость туповатые. В противном случае они не связывались бы с цыганами...

Вовчик вылез из своего только что вымытого черного «ровера» и не спеша направился к ним, наблюдая, как тяжелые ботинки пачкают многочисленные цветастые юбки. Звон монист разносился на полквартила. С ментами он не стал разговаривать. Одному хватило удара ребром ладони по горлу; второго пришлось ударить трижды, в том числе разок ногой по шарикам. Зато теперь Вовчик мог сказать, что внес свой вклад в борьбу с демографической катастрофой.

Старуха оказалась крепче, чем он думал. Она поднялась самостоятельно. Струйка крови, текущая из уголка рта, была почти не видна на дубленой коже. Старуха не благодарила Вовчика, но он и не рассчитывал на благодарность. Она только смотрела на него долго и внимательно, и что-то менялось в ее черных, как сгнившие вишни, глазах.

Вовчик повернулся, чтобы уйти. Патрульные,

лежащие без сознания, были не лучшим обществом для человека его «профессии».

— Еще до утра ты встретишься со смертью, — сказала цыганка ему вслед.

Вовчик ухмыльнулся. Он сам частенько бывал вестником смерти. И все же на мгновение он пожалел о том, что вмешался.

* * *

Зато теперь все было забыто. Он предвкушал новый матч, крепко сжимая руль своего трехсотсильного рысака-вездехода. И это будет посерьезнее регби. Совсем другие ставки. Если агент, устроивший ему билет в один конец, не обманул, на кон поставлена жизнь. Если же обманул и обратный путь существует, Вовчик знал, что сделает с этим скользким хмырем. И тот, похоже, знал тоже.

Организм усиленно вырабатывал адреналин. Впервые за многие годы, слившиеся в багрово-серую полосу, впереди маячила полная неизвестность. Все остальное Вовчик уже перепробовал — карты, рулетку, шлюх дорогих и подешевле, бои без правил, охоту, ремесло палача, наемника, телохранителя и даже роль «хорошего парня». Последнее занятие оказалось довольно увлекательным, но в конце концов и оно стало все

больше напоминать скучную, бессмысленную, неблагодарную и до отвращения предсказуемую работу. Женщины, которых он охранял и спасал от верной гибели, становились его любовницами, а затем изменяли ему с хлыщами «своего круга» или полными ничтожествами. Щедрые пожертвования детским домам и церквям, которые он делал в припадке человеколюбия, разворовывались; у других «хороших ребят» была короткая память, а преданность всегда имела денежный эквивалент.

Вовчик не то чтобы разочаровался (он лишился иллюзий одновременно с девственностью, и это произошло довольно рано — когда ему было лет четырнадцать), однако заподозрил, что игра на поле жизни идет не по правилам — в одни ворота. Кто-то сильно мухлевал там, наверху, и Вовчику это не нравилось.

После тяжелой травмы колена на спортивной карьере можно было ставить крест. Он решил взять тайм-аут и поработать вышибалой в одном из местных кабаков. Его заметили посещавшие кабак большие люди и предложили более достойную работу. Вовчик отдавал себе отчет в том, что выход из нового бизнеса — только вперед ногами, но его засосало всерьез и надолго. Да и бесплатная жратва не росла на деревьях. Ему пришлось работать в поте лица, добывая хлеб свой, а заодно икру и масло, а потом легавые упали на хвост и больше

уже не слезали, подобравшись к самому лоснящемуся загривку.

Он стал лишним, опасным для хозяев и оказался между двух огней. У Вовчика, конечно, был выбор — вроде того, который предлагают смертникам. Или сдохни, или живи остаток своих дней в клетке. Но и в клетке тебя рано или поздно поставят на нож или подсадят на иглу. Конечный результат одинаков...

Он предпочел третий вариант. И вот теперь он был свободным в закрытой зоне. И будто заново родился. Ни одну из своих любовниц он не взял с собой. Принципиально. Даже Элку — самую жадную и веселую. Вовчик летел к новой жизни, бросив все барахло в прошлом. Все, кроме черного «ровера».

Слева пылал закат. Вдоль дороги медленно текла река. Лучи заходящего солнца окрашивали воду в цвет крови. В этом узком и извилистом мистическом зеркале ничто не отражалось, ничего нельзя было разглядеть. Вовчик и не пытался. Он знал только, что красный закат предвещает ветреный день, но даже к этой примете относился скептически. Справа сливалась с горизонтом черная полоса леса. Пустыри по обе стороны дороги заросли бурьяном.

Через десять минут Вовчик включил фары. Впереди что-то сверкнуло чистым никелем. Он

думал, мотоцикл или автомобиль. Возможно, первое испытание на пути Вовчика Свободного. Или милицейский пост? Что ж, значит, он выбросил бабки на ветер. О бабках он никогда не жалел. А вот кое-кому придется пожалеть о своем утраченном здоровье. В случае, если его подставили, Вовчик собирался идти до конца. Прежде чем его возьмут, он успеет разобраться со всеми виноватыми. И главным орудием будет ржавый, тупой, зазубренный нож...

Он проверил пушку и приготовился к худшему. Оказалось — ложная тревога, и Вовчик расслабился. Подъехав поближе, он разглядел гибрид автоматического шлагбаума и игрового автомата, водруженного прямо на развилке. Сверху перекресток напоминал куриную лапку. Асфальт заканчивался в этом месте. Отсюда начиналась гораздо более узкая грунтовая дорога. Две другие уводили куда-то в стороны.

Самое забавное, что игровой автомат работал, несмотря на видимое отсутствие электрического кабеля. У Вовчика был кое-какой опыт. Например, он знал, что проблему нельзя «объехать» — это означало бы только, что проблема останется за спиной. Подставлять под удар спину не любит никто. Впрочем, наличие автомата вряд ли можно было считать проблемой, если только эта штука не заминирована.

Вовчик притормозил перед шлагбаумом и вышел из машины. Глубокие рвы по обе стороны дороги были серьезным препятствием даже для «ровера». Проще заплатить, хотя дорога по ту сторону шлагбаума казалась на редкость дерьмовой. Вовчику предлагалось сыграть по местным правилам; он не возражал. Конечно, правила не будут справедливее, чем везде, но высшая справедливость — это для бабушек, читающих Евангелия.

Однорукий бандит дешево подмигивал в лучах фар. Обычный автомат, если не считать рисунков на барабанах. Рисунки были какие-то странные: солнечные диски, полумесяцы, рыбы, ладони, короны, виселицы, мечи, жуки, глаза, пентакли... Вовчик не разбирался во всей этой хрени, предназначенной для пугливых дегенератов, не умевших себя защитить. Вовчик умел. Он сунул монеты в приемную щель на блоке управления шлагбаумом. Внутри что-то щелкнуло; полосатая балка медленно поползла вверх.

В ту же секунду барабаны игрового автомата пришли в движение. Они вертелись с приятным свистом, как хорошо смазанный механизм. Разноцветные лампочки весело замигали. Потом свист прекратился. Барабаны остановились. Раздался звук, который тоже не назовешь неприятным, хотя он и не ласкал слух. Это был звон

посыпавшихся в лоток монет. Когда металлический дождь иссяк, получилась внушительная кучка. Монеты были новенькие, серебристо-белые и ярко блестели.

Вовчик хмыкнул и взял одну из них. Монета (или жетон) была необычной. На одной стороне выбита римская единица, на другой — пересекающиеся косточки. Серебро — металл благородный, а свои призовые Вовчик всегда забирал из принципа — даже тогда, когда трудно было унести и деньги, и ноги. Сейчас не возникало проблем ни с тем ни с другим. Он ссыпал монеты в дорожную сумку и бросил ее на заднее сиденье. Автомат перестал для него существовать. Он проехал перекресток, даже не обратив внимания на то, чем закончилась раскрутка.

На барабанах выскочили три креста. Три простых черных крестика на белом фоне.

* * *

Он въехал на грунтовку, трясясь на ухабах, и тут оказалось, что ему вежливо намекают на то, какой маршрут является предпочтительным. На боковых дорогах прямо из грунта торчали черные козьи ноги. Вовчик мог бы поклясться, что еще минуту назад никаких ног не было. Ряды козьих конечностей создавали хоть и эфемерное, но все же

заграждение. Остроконечные копытца чем-то напоминали известный знак — кулачок с отставленным средним пальцем. В любом случае Вовчик был в гостях, а он знал, как надо вести себя в гостях. И он поехал прямо.

Дорога была неровная, но не разбитая. Колея совсем неглубокая, из чего Вовчик заключил, что здесь проезжает не больше одной машины в день. О грузовиках и говорить нечего... Между тем о светлом времени суток остались одни воспоминания. Наступила ночь. На востоке всплыла луна цвета насыщенного лимонного сока. Когда Вовчик, равнодушный к красотам природы, наконец удосужился бросить взгляд на ночное светило, то обнаружил, что с лунным диском творится какая-то чертовщина. В его центре появился череп — совсем маленький и все же хорошо различимый. Теперь луна стала похожа на монету с изображением головы монарха. Только монарх правил не на земле, а этажом ниже.

Вовчика это не впечатлило — как и все, что не представляло непосредственной опасности. Разрисуйте хоть все небо скелетами и распишите матерными словами — ему будет до лампочки, пока кто-нибудь из плоти и крови не явится по его душу...

Он продолжал давить на газ и вскоре почувствовал, что проголодался. С одной стороны,

хорошо, что зона так тиха и безлюдна; с другой — Вовчик не собирался отказываться от своих привычек и достижений цивилизации вроде ресторанов, мотелей, а также маленьких удобств — например, горячей ванны или возможности взять проститутку в любое время дня и ночи.

Река исчезла из виду; лес подступил к дороге с обеих сторон. Вовчик включил приемник и перепробовал все диапазоны. В эфире не было ничего, кроме атмосферных помех. Даже на средних волнах. Конечно, все это казалось странным, однако Вовчик не был обеспокоен. Ему приходилось ночевать и в гораздо менее комфортных условиях. (Как-то раз он даже провел «ночь перед казнью» и не приобрел к утру ни одного седого волоса. Потом его освободили, и его безразличие произвело впечатление на кое-кого. Тогда Вовчик еще набирал очки в свою пользу.) В багажном отделении «ровера» лежало все необходимое для выживания в экстремальных условиях. Четыре полные канистры внушали уверенность в том, что ножками топтать не придется. А если и придется, то в самом крайнем случае.

Наконец впереди засияли огни — тусклое созвездие, брошенное в сгустившийся мрак над изломанным горизонтом. Созвездие Указующей Стрелы. Оказалось, что свет его — отраженный.

Грунтовка привела к прекрасному двухрядному шоссе, образующему с ней букву «Т». Проселочная дорога не имела продолжения. На обочине шоссе был установлен щит с бело-оранжевой «зеброй». Стрела была направлена на запад, влево от Вовчика. Само шоссе было просто идеальным, прямым, как луч зрения, и простиравшимся в бесконечность. Покрытие выглядело матовым и очень темным, словно свежекатанный асфальт.

Тут Вовчик впервые нарушил правила игры. Немного. Совсем чуть-чуть. Это даже нельзя было считать нарушением. Всего лишь фол, за который начисляются штрафные очки. Он решил проверить, сколько у него степеней свободы и как велики «зазоры». Он повернул направо, а не налево, и помчался на восток — прямо в ту черную дыру, откуда восходит солнце.

Луна с черепом поднялась еще выше и светила ярче. «Ровер» все время находился в тени черепа, будто тот был маской, надетой на объектив гигантского проектора. Другого на месте Вовчика уже пробрала бы дрожь от всех этих странностей, но он был хладнокровен, как жаба на рассвете.

Езда по пустынному шоссе доставляла истинное наслаждение. Появилась возможность разогнать «ровер» до максимальной скорости. Вскоре были слышны только гул набегающего потока и шелест покрышек. Черный рулон,

похожий на иллюзорную дорогу в недрах тренажера, разматывался с немыслимой скоростью. Ни одного поворота; шоссе ни на градус не отклонялось от линии запад — восток. «Ровер» пожирал расстояние, воздух и горючее; устроившийся внутри Вовчик чувствовал себя пилотом болида, летящего напрямиком в ад. Если в аду есть пиво, девочки и покер, он не возражал бы.

Впрочем, он недолго получал удовольствие. Когда слева промелькнул щит со стрелой, Вовчик ударил по тормозам, пользуясь тем, что пристегнут. Незакрепленный багаж швырнуло вперед. «Ровер» клюнул капотом, стирая покрышки. Раздался визг колодок. И все равно тормозной путь оказался слишком длинным. После остановки Вовчик врубил заднюю передачу и подъехал к указателю.

Здесь он внимательно осмотрелся. Полосатая стрела поблескивала, отражая свет фар. Лес был тих и черен, как закопченный дымоход...

Вскоре Вовчик, у которого не было проблем с самолюбием, признал свое маленькое поражение. Вправо от шоссе вела грунтовая дорога. В пыли проступали следы протекторов «ровера», которые были знакомы Вовчику лучше, чем отпечатки собственных пальцев. Каким-то невероятным образом, ни разу не повернув рулевого колеса, он возвратился в то же место, откуда выехал семнадцать минут назад.

Вовчик закурил первую за этот вечер сигарету — он берег свои легкие. Озадаченно помассировал стриженный затылок. При этом короткие волоски больно царапались.

Затем он обернулся и потрогал то, что было пристегнуто к сиденью ремнем безопасности. Он считал *это* своей маленькой страховкой. Вовчик воспользовался ею на всякий случай — главным образом чтобы обеспечить себе беспрепятственный проезд до закрытой зоны. У него были веские основания опасаться того, что его могут попытаться задержать.

«Страховка» не подавала признаков жизни. Раньше это была скрюченная и пожелтевшая, но еще энергичная старушонка, любимая мамаша одного из его бывших боссов. Она не торопилась на покой; ее советы и связи дорогого стоили. Вовчик похитил ее с дачи, вырубив четверых олухов-телохранителей. Мамашу звали Ида. Отчества он не помнил. У старой ведьмы хватило сил на то, чтобы отчаянно брыкаться и кусаться вставными зубами. На предплечье у Вовчика остался багровый след от ее укуса. К тому же Ида норовила запустить свои скрюченные артритом пальчики в глаза похитителя. Поэтому пришлось

накачать ее снотворным.

Когда он выезжал из города, «страховка» была живой. Сейчас она показалась Вовчику чересчур холодной. Он пощупал пульс на ее запястье. Пульса не было.

Вовчик не поленился, вылез из машины, забрался на заднее сиденье и приложил ухо к узенькой груди. Слабое постукивание напоминало работу часов внутри адской машинки. Если разобраться, Ида была похуже иной бомбы. Во всяком случае, трупов на ее совести было немало.

Убедившись в том, что старуха жива, Вовчик снова плюхнулся на водительское место и включил скорость. На этот раз он не стал экспериментировать и поехал туда, куда указывала стрела. От фокусов с возвращением он был избавлен — на какое-то время. Однако неприятные сюрпризы были впереди.

* * *

Через минуту он сбил всадника. Сбил — ну и ладно, но какова хохма! Старые дружки Вовчика ржали бы до упаду. Всадник восседал на белой, костлявой и страшной кляче, которая тащилась навстречу «роверу» прямо посреди дороги. Чем-то она напомнила Вовчику одного знакомого пожилого морфиниста. Казалось, кляча вот-вот

рухнет и задергает копытами в агонии. Шерсть кое-где повылезала, и обнажилась дряблая кожа. Сам всадник был похож на сосульку, примерзшую к лошадиной спине.

Вовчик не успел отреагировать. Силуэт бледного привидения возник на пустынном шоссе внезапно, выхваченный из темноты узким лучом света. (Это не значит, что кляча выскочила слева или справа. Она вообще не могла «выскочить». Вовчик подозревал, что на это простое действие у нее не хватило бы остатков здоровья: настолько вяло она перебирала копытами.) Впрочем, на его месте не успел бы отреагировать даже хоккейный вратарь экстра-класса — «ровер» мчался слишком быстро. Поэтому складывалось впечатление, что всадник вырос из-под асфальта. Поднялся, отделившись от своей густой тени, будто плоская силуэтная мишень в тире. И «ровер», летевший по осевой, не промахнулся.

Металлический снаряд врезался в клячу на скорости около двухсот километров в час. Удар получился страшным, но не для автомобиля. Вовчик ощутил только сильный толчок. Чтобы компенсировать его, достаточно было упереться руками в рулевое колесо. Он машинально опустил голову, ожидая, что при столкновении лошадь врежется в лобовое стекло, однако благодаря высоко расположенному усиленному бамперу этого

не произошло. Тощую и, по-видимому, легкую клячу отбросило в сторону, а всадник вообще перелетел через крышу «ровера» по высокой дуге, как тряпичная кукла. Когда бедняга приземлился, он уже напоминал не куклу, а мешок с костями или по крайней мере манекен с раздробленным каркасом.

Вовчик скрипнул зубами и ударил по тормозам. Что ж, за удовольствие приходится расплачиваться. Это была одна из немногих абсолютных истин, которые не менялись ни во времени, ни в пространстве. В данном случае оплате подлежал исконно русский кайф от быстрой езды. Искушение бросить все как есть было велико, но не перевешивало здравого смысла. А здравый смысл и «понятия» подсказывали Вовчику, что дерьмо за собой надо убирать. Особенно на чужой территории.

В прежней жизни Вовчик умел прятать концы в воду. Или в землю. Или в бетон. Все зависело от конкретной обстановки. За то его и ценили — пока он сам не стал кандидатом в ископаемые. Угрызений совести Вовчик тем более не испытывал — нехрен ездить ночью без габаритов!

Остановившись, он посмотрел на старушку. Та мирно посапывала, спеленутая слишком просторным для нее пальто, которое заодно скрывало от посторонних глаз наручники. Хотя где

они тут, посторонние глаза?.. Вовчик проверил, не притворяется ли Ида. В этом случае пришлось бы решать, что делать с неудобным свидетелем. Старуха была подлой, как последняя сука. Но она действительно спала, так что особых проблем не предвиделось. Или почти не предвиделось.

Вовчик медленно сдал назад, пока не поравнялся с лошадиным трупом, лежавшим на обочине.

Чистая работа — в том смысле, что нигде не видно крови. У лошади были сломаны ноги, а голова вывернута под неестественным углом. По крайней мере, животина быстро отмучилась. Если парень пытался добраться на ней до живодерни, то выбрал неудачное время...

Вовчик вылез из машины и придирчиво осмотрел передок «ровера». У него отлегло от сердца — нигде ни единой царапины или вмятины. Фары и подфарники целы. Только белый налет на бампере, будто... пудра или кокс. Вовчик потрогал налет пальцами — стирается легко, как сухая пыль.

Он сплюнул и направился поглядеть на человеческое тело, распластанное на шоссе в пятнадцати метрах от клячи. Он подходил осторожно, хотя после такого удара не выжил бы никто. К немалому удивлению Вовчика, и тут все было сухо. Это хорошо — не придется мыть салон, отделанный кожей... Длинный плащ, когда-то

считавшийся по артикулу белым, окутал фигуру мертвеца, словно простыня. Или саван, что было ближе к делу. Только лысая голова, обращенная лицом вниз, торчала наружу из этого кокона. Голова имела «нездоровый» желто-серый цвет. Впрочем, покойнику цвет подходил как нельзя лучше.

Вовчик попинал труп носком своего дорогого и высококачественного ботинка. Это было все равно что пинать ком стекловаты. Тогда он наклонился и перевернул мертвеца на спину. Тот весил не больше, чем мамаша Ида. Череп явно пострадал при ударе, и лицо выглядело слегка перекошенным. Впечатление асимметрии усиливалось из-за застывшей на нем ухмылки. Но и при жизни лицо наверняка было отталкивающим — костяная болванка, туго обтянутая кожей, которой явно не хватало, чтобы плотно закрыть рот. Ни с того, ни с сего Вовчику вдруг пришло в голову, что мертвец улыбается... благодарно и слегка иронично. Дескать, удружил ты мне, кореш!

Он затруднился бы с первого взгляда определить возраст и даже пол своей случайной жертвы. Из щели беззубого рта выпирали желтые, но большие и здоровые зубы. Белков не было видно под полуприкрытыми пергаментными веками; Вовчик отнес эту особенность на счет слабой освещенности. Приплюснутый нос чем-то

напоминал свиной пятак. Бритая голова была разрисована или татуирована на манер карты звездного неба. Вовчик, в число неожиданных и небесполезных талантов которого входило умение ориентироваться по звездам, ясно различал так называемый «зимний треугольник». Он специально приподнял полу плаща, чтобы лучше рассмотреть руки. Те оказались разными, будто крабьи клешни. В скрюченной и недоразвитой левой мертвец сжимал многолезвийный армейский нож, а в большой и жилистой правой — раздавленные песочные часы. Осколки стеклянной колбы впились ему в ладонь, образуя пятна синевы, однако и в этих местах из-под кожи не просочилось ни единой капли крови.

Вовчик огляделся по сторонам. Давным-давно он не оставался наедине с ночной природой. Мир выглядел нетронутым, если не считать шоссе, разрезавшего землю пополам. Звезды сияли холодно и безразлично. Все предметы отбрасывали фиолетовые тени. Даль была беспредельной.

Вовчик впервые увидел все это сквозь призму своей относительной малости и кратковременности. На мгновение закралась дикая мысль, что он — последний Робинзон, только что по неосторожности прикончивший своего последнего Пятницу. Вовчик, который происходил из «благополучной» семьи, был в детстве начитанным

мальчиком. Он, как говорится, подавал надежды.

Сейчас его похороненные юношеские мечты, кажется, начинали сбываться. Во всяком случае, антураж был вполне подходящим, а роль изгнанника-одиночки — почти романтической. Впрочем, вскоре последовало напоминание о том, что он далеко не один. А от романтики Вовчика давно излечила красивая и нежная девушка-одноклассница, в которую он был влюблен и которая заразила его триппером в пятнадцать лет.

Он достал из пачки и закурил очередную сигарету. Эта простая операция вернула его к действительности. Пора приниматься за привычную работу. Подчищать... Он завернул труп в просторный плащ и положил на заднее сиденье рядом с мирно посапывающей бабушкой. Насчет крепости ее нервишек он не беспокоился. Ида была не из тех, кто получает инфаркт, обнаружив рядом с собой покойника. Особенно если покойник не из ее клана.

Что делать с самим жмуриком, Вовчик еще не решил. Бросить его на обочине было не то чтобы аморально — скорее не совсем надежно. Такой вариант означал бы слишком много неопределенностей. Жертва ДТП? Хм... Огнестрельных и ножевых дырок нет, однако... Если начнут копать, что-нибудь рано или поздно обязательно всплывет. Поэтому лучше не

рисковать. «Добраться бы до города, а там все станет ясно», — предположил Вовчик. И не ошибся.

В нужном месте он оказался очень скоро.

* * *

Двухрядное шоссе, раздвинувшее лес, оставалось идеально прямым и в западном направлении. Около одиннадцати слева по борту промелькнула бензозаправочная станция. Вовчик успел разглядеть две колонки под навесом, аккуратную закусочную, старый пикап на эстакаде возле гаража и темную решетчатую башню ветряка. Люди если и были, то где-нибудь внутри.

Ему хотелось жрать, но он не стал тормозить. Щит на выезде со станции сообщал: «До поселения 25 км». То, что поселение не имело названия, Вовчика не смущало — так же как и трупец в салоне. Жизнь приучила его не лезть в чужой монастырь со своим уставом. Единственное, что ему гарантировали в закрытой зоне, — это отсутствие легавых. Но могли и обмануть. Представить себе человеческую стаю без ментов Вовчику было, мягко говоря, трудно. Кто же тогда охраняет «овец», пока такие, как Вовчик, охотятся?!

Спустя еще пять минут лес отступил от дороги, и справа открылся вид на пустырь,

декорированный хаотически разбросанными валунами, шатрами и вышками. Что-то вроде одичавшего «сада камней» посреди старого нефтезавода. Некоторые глыбы напоминали людей или ангелов, посеребренных светом луны. Потом «ровер» промчался мимо каменной арки с чугунной решеткой — абсурдных ворот, выводящих на открытую со всех сторон площадь. Это был заброшенный парк аттракционов. Ангелы превратились в дурацкие статуи сказочных героев, глыбы — в киоски, надгробия — в застывшие вагончики.

Стрелки часов подбирались к полуночи. Поселение, должно быть, совсем близко. Не таскали же они своих детишек развлекаться за тридевять земель! И действительно, навстречу уже выплывал типичный провинциальный городок, застроенный преимущественно одно- и двухэтажными домами. Но были и некоторые несоответствия. Яркое электрическое освещение, обилие рекламных щитов и вывесок наводило на мысль об автономном энергоснабжении. Если и так, то энергия пропадала даром. Улицы были безлюдны. Чем-то (возможно, огнями, не вязавшимися с патриархальным обликом) городишко напоминал Вовчику нелепый игровой автомат, торчавший на перекрестке, только этот был побольше и посложнее. Но зато и игра, вероятно, обещала куда более дорогостоящий приз.

Что заслуживало удивления, так это полное отсутствие автомобилей, а также телефонов. И ничего, хотя бы отдаленно похожего на почту. Шоссе сузилось и постепенно выродилось в проезжую часть обыкновенной улицы. Ни светофоров, ни постов. Похоже, Вовчика не обманули насчет весьма либеральных порядков. «Ровер» ворвался в город, будто камень, брошенный в застойный пруд и разогнавший по пути затхлый воздух. Но не более. Если он и потревожил кого-то из здешних обитателей, то пока это было незаметно.

Метров через триста он едва не задел колесом пьяницу, отдыхавшего прямо на дороге. Ночь была теплая, и тот мог себе это позволить. Бутылка из-под дешевого пойла валялась тут же. К немалому удивлению Вовчика, пропойца проснулся от визга тормозов и уставился на радиаторную решетку «ровера» мутными глазами. Дальше он разговаривал, глядя исключительно на нее, будто это «губастый» кусок железа, а не водитель, задавал ему вопросы.

— Эй, дед, как называется это место?

— Называется? — переспросил тот.

— Ну да. Как-то оно должно называться?!

Пьянчужка с сомнением осмотрел асфальт под собой:

— Я бы сказал, что оно... ик!.. называется

лужей.

— Понятно. Гребаный философ, да? Вообще-то я имел в виду город.

— А зачем его называть? Сюда никто не пишет. А приезжают только полные кретины вроде... ик!.. меня.

— Ладно. Допустим, я тоже полный кретин и захочу когда-нибудь вернуться...

Старик расхохотался. Потом, успокоившись, хитро прищурил слезящиеся глазки и помахал пальцем перед решеткой:

— Чтобы вернуться, надо уехать... ик!..
Правильно?

— Ну, а в чем проблема?

— Твоя проблема в том, что ты не сможешь уехать отсюда, парень. Но есть еще одна... ик!.. проблема. Ба-а-альшая проблема! Скоро придет Бледный и со всеми разберется. Так что советую тебе расслабиться и напиться напоследок. Слушай, ик!.. дай денег! — попросил он безо всякого перехода.

— Проваливай, — сказал Вовчик сквозь зубы, поднимая стекло и включая скорость.

* * *

Вскоре он подрулил к заведению, где, судя по вывеске, можно было выпить, а заодно покатать

шары. Бильярд он уважал. Игра для мужиков с мозгами, твердыми руками и крепкими ногами. А значит, и с крутыми яйцами.

Едва он вырубил двигатель, как запищал его мобильник. Вовчик хмыкнул и пару секунд соображал, что это означает — «огромную зону охвата», как на рекламе с облапанной женской жопой, или очередной местный прикол вроде заколдованного шоссе.

Он поднес трубку к уху, не произнося ни слова. Некоторое время слушал гробовую тишину. Потом низкий и явно измененный голос произнес:

— Ты покойник, Вовчик.

Хихикнула женщина.

Отбой.

Вовчик сунул мобильник в карман и достал сигарету. С его лица не сходила кривая ухмылка, не обещавшая шутнику ничего хорошего. Странный звонок. Особенно если знаешь, что дурацкое «хи-хи» принадлежит Иде, является частью ее имиджа и нередко вводит в заблуждение тех, кто склонен к поспешным выводам.

План на случай ловушки созрел почти мгновенно. Вовчик взвесил все «за» и «против» и подвел баланс. Труп в машине связал бы руки кому угодно, но не здесь, где все можно взять силой и нахрапом. Дальше он действовал с учетом наименее благоприятного варианта.

Обе пушки в пружинных зажимах, укрепленных на пояснице, были практически незаметны под хорошо скроенным просторным пиджаком. Мягкая ткань почти не стесняла движений и заодно маскировала напряжение мышц. Стволы располагались параллельно позвоночнику. Плечевой пояс оставался нестесненным — поэтому Вовчик предпочитал именно такой способ ношения оружия. Ничто не мешало ему свободно двигаться во время рукопашной или вождения. Превратности профессии приучили его к тому, что иногда все зависит от самых незначительных преимуществ. А фраеров губят нелепые случайности.

Противоугонного устройства в «ровере» не было. Вовчик хотел бы видеть идиота, который угонит его тачку. Пацаны нашли и наказали бы ублюдка в течение двенадцати часов. «Но здесь — другое дело, так что без понтов!» — напомнил он себе и распахнул тяжелую дверь, на которую падали отблески неоновомого света от сиявшего в ночи слова «Дуплет».

Вышибалы на входе не было, хотя бар оказался большим и хорошо оборудованным — особенно для такого захолустья. Мерцающая гора бутылок по ту сторону стойки отдаленно напоминала макет горной гряды. Справа, на небольшом возвышении, располагались в ряд три бильярдных стола под прямоугольными зелеными

абажурами. Играющих не было. В глубине виднелся подиум с подсветкой (чего-то там не хватало — наверное, все-таки девочек, занимающихся художественной гимнастикой топлесс). Звучала музыка — оптимальная по громкости и качеству. Она создавала мягкий звуковой фон и не более.

Вовчику всегда нравились такие пристойные спокойные места, где можно расслабиться и отдохнуть от трудов несправедливых. А также праведных — они куда утомительнее... Правда, это заведение было что-то уж чересчур тихим. На немногочисленных физиономиях, с вялым подобием интереса повернувшихся в сторону вновь прибывшего, лежали одинаковые печати обреченности, которые не спутаешь ни с чем — даже с глубоким горем. Всякое горе рассасывается со временем, а тут в каждом глазу зияло по провалу, оканчивающемуся мертвым тупиком. Вовчик как специалист хорошо разбирался в этих нюансах. Уж кто-то, а он насмотрелся на своем веку на жертв и приговоренных.

Но какого черта? Если это бар для смертников, повесьте соответствующее объявление! Его тошнило от постных рож. Не менее странным казалось то, что обыватели равнодушно отворачивались, едва скользнув по нему взглядом. Обычно его появление привлекало

излишнее внимание, и с этим приходилось бороться.

И тут Вовчика осенило: неизлечимо больные! Вот кого собирали в этом городке, оплачивая им последние деньки и ночи. Тогда становилось ясно, почему эти кролики соглашались быть живыми мишенями в тире. Им уже нечего терять. А страховку для родных и близких заработать можно.

Итак, городок — огромный хоспис, куда сплавляют негодный материал. В этом случае кто выдал Вовчику путевочку? Что, если бывшие хозяева? Следовало отдать им должное — чувство юмора у них отменное. Посмотрим только, кто будет смеяться последним. В предстоящей игре Вовчик проигрывать не собирался.

Он двинулся к стойке, на ходу навешивая ярлыки: шлюха, игрок, лопух, темная лошадка, задроченный муж, неудачник, дойная корова, рогоносец, бухгалтер. Он редко ошибался — там, на «большой земле». Здесь все могло быть с точностью до наоборот.

Вовчик рулил прямо на черный «кис-кис», зная по опыту, что бармены способны быстро и точно ввести в курс дела. Однако этот кадр напоминал кусок мяса, подвергнутый глубокому замораживанию и запакованный в красивый костюм. Глаза неподвижно смотрели сквозь клиента. Злые и твердые на вид губы были склеены

слюной. Волосы мышиноного цвета закреплены лаком. И только белые пальцы порхали, хватая сияющие стаканы и перетирая их хрустящим полотенцем. Чувствовалось, что бармен делает это только для того, чтобы занять руки. Малый явно потерял интерес к профессии, да и к выручке, хотя еще сохранял внешний лоск и особый шик — просто по многолетней привычке.

Едва задница Вовчика успела соприкоснуться с поверхностью табурета, как по стойке к нему скользнула пепельница и остановилась в пятнадцати сантиметрах от края. Вот что значит школа! Он стряхнул в нее пепел и сделал жест, известный каждому в его родном городе. Жест обозначал марку и количество жидкости.

Человек со стеклянными глазами, взгляд которых был направлен в никуда, понял его прекрасно. Вовчик отхлебнул из придвинутого бокала и поздравил себя с благополучным прибытием. Ему нравилось это заведение. По крайней мере выпивка оказалась отличной. Что же касается траура, причин могло быть множество — сгорел детский сад или скончался всеобщий любимец-мэр.

— Как проехать к мотелю? — вежливо осведомился Вовчик, выбирая взглядом столик, желательно с одинокой дамочкой в комплекте. Он был единственным посетителем «Дуплета»,

торчавшим у стойки, как лайнер у пирса, — самая неудобная позиция для изучения обстановки.

— Мотеля нет, — буркнул бармен безжизненным голосом.

— А что есть? — Вовчику послышалось что-то знакомое, почти родное. Таким тоном с ним разговаривали в тех местах, где отказывались платить по долгам. Вначале. Но в конце концов расплачиваться приходилось всем. Будь он у себя «дома», уже плюхнул бы бармена мордой об стойку и слегка повозил бы. Вместо полотенца. Для оживления беседы.

— Есть один семейный пансион, но там давно не берут постояльцев, — нехотя объяснил отморозок. — А теперь тем более... Здесь нечасто бывают гости, — добавил он будто в оправдание.

Вовчик погрозил ему пальцем.

— Ты что-то путаешь, приятель!

Он уже подсчитал, что за последнее время около сотни человек получили билеты в один конец. Конечно, это были не самые тихие люди и кого-то из этой публики могли убить. Но если хотя бы половина из них выжила, они поставили бы город на уши. А отсутствие мотеля вообще казалось Вовчику абсурдом. Впрочем, даже если это правда, он знал, что делать. Найти бабу на одну или несколько ночей никогда не составляло для него труда. Он надеялся, что в машине спать не

придется. Про Иду и дохляка он как-то забыл.

— Мы открыты круглосуточно, — намекнул бармен без энтузиазма.

— Уж не думаешь ли ты, что я буду до утра пялиться на твою рожу? — задал Вовчик резонный вопрос самым спокойным тоном. Теперь он улыбался, и в его улыбке было что-то безжалостное. Маленькие загадки этого городка не то чтобы раздражали его, но вызывали понятное желание расставить по местам все и всех.

В ответ бармен равнодушно пожал плечами. Похоже, его ничто не задевало. И причина этому — отнюдь не самообладание. Вовчик бросил на стойку смятую купюру, не задумываясь, в ходу ли здесь такие деньги.

— До утра — это не так уж долго, — сказал бармен сквозь зубы, аккуратно отсчитывая сдачу.

Вот что добило Вовчика. Гнилой базар и особенно сдача, которую ему отсчитали с его полтинника, будто какому-то мелочному лоху! Он никогда не видел и не слышал, чтобы болван, стоящий на разливе, позволял себе так много. Он мог бы достать пушку и заставить недоноска трепыхаться, моля о пощаде. Но, во-первых, Вовчик находился в благодушном настроении, а во-вторых, еще не выяснил расстановки сил. Кому-то же принадлежала эта лавочка!

— Когда начинается шоу? — Он повел

мощным подбородком в сторону подиума.

Тут бармен впервые сфокусировал на нем отрешенный взгляд и неожиданно улыбнулся — не от радости, а просто потому, что настала его очередь. Эта улыбка напоминала оскал черепа.

— Утром, — сказал он сиплым голосом. — Шоу будет незабываемым. Это я вам гарантирую.

* * *

В половине третьего Вовчик решил свалить из «Дуплета» и найти себе компанию. Например, веселую вдовушку. Однако глубокой ночью в провинции это казалось абсолютно утопичным. Вовчик слыл реалистом. В баре не подвернулось ничего подходящего. И что интересно: шалав был полный набор — от малолеток до «ягодок опять», — но все какие-то... раскаявшиеся. И непременно в сопровождении местных лабухов.

Хрусты карманы распирают, а он один, как монах, — комедия! Вовчик еще не настолько оборзел и оголодал, чтобы поднимать шум из-за телки. Единственная свободная баба была страшна как смертный грех. Он скорее трахнул бы Иду... А что? Взять и проучить старушку! Только ведь получится не наука, а подарочек жизни. Вот тебе, выкуси, старая стерва!..

Снаружи его ожидал первый неприятный

сюрприз. Кто-то изуродовал дверцу «ровера», выцарапав на ней гвоздем: «Демон, прочь!». Вовчик не стал нервничать, тем более палить по витринам, хотя очень хотелось. Аж руки чесались. Он знал, что задержится здесь и обязательно найдет борзописца. И тогда тот оплатит ремонт с процентами.

Вовчик огляделся. Ряды сверкающих пятен тянулись в обе стороны. Луны, помеченной черепом, не было видно из-за крыш. Ее бледное свечение с успехом заменили уличные огни. Кроме всего прочего, это был городок редкостных чистоплюев. На тротуарах — ни единого окурка. Чудовищные по своему уродству урны в виде пингвинов с распахнутыми клювами торчали через каждые двадцать-тридцать шагов.

Чуть ли не впервые в жизни Вовчик поймал себя на иррациональном ощущении погруженности в безвременный вялотекущий кошмар. Куда ни отправишься — всюду ночь, отодвинутая за границу света и тьмы, и глубокое человеческое молчание по ту сторону дыхания и бессмысленной речи. Впрочем, он был слишком большим оптимистом, чтобы лелеять подобные эмоции. Вовчик решил положиться на случай и покатил вниз по улице.

Некоторое время ничего не менялось, за исключением вывесок, рекламных щитов и

контуров зданий. Город напоминал дохлого червя — сегменты кварталов были нанизаны на парализованный нерв главной улицы. Чертовски длинный нерв...

Прямая прерывалась пятном центральной и единственной площади. Огромная пустая поляна, мощенная булыжником. Возле мэрии никто не дежурил. На флагштоке болтался флаг. В темноте и при полном безветрии его цвета и рисунок не подлежали определению. Зато двери противостоящей церкви были широко распахнуты; оттуда пробивались лучи теплого золотистого оттенка, образуя зыбкую корону. «Ровер» съехал с брусчатки, на которой ощущалось что-то вроде мелкой дрожи, и площадь осталась позади.

— Куда ты завез меня, паскуда?! — рявкнул знакомый голос.

Вовчик обладал отменными нервами и даже не вздрогнул, хотя старческий скрип раздался возле самого уха. Он демонстративно сунул в это ухо мизинец, на котором тускло поблескивала яшма, и поковырял в раковине, спрыснутой дорогим одеколоном... Хорошо, что Ида сразу не воткнула свои ногти ему в глаза — наверное, просто ждала, когда «ровер» остановится. Старая тварь, а жить тоже хочет!

Он притормозил и обернулся. Мамаше почти удалось высвободить правую руку. Он ее

недооценил. Она быстро смекнула, что и как, а запястья у Иды были тоньше, чем у десятилетнего ребенка.

— Что, хочешь погулять? — спросил он, думая о том, что страховка ему, наверное, больше не понадобится.

Против ожидания Ида не ругалась. Она даже пожалела его:

— Ты же был умным мальчиком...

— Поэтому решил сменить климат.

— ...Умер бы тихонько, — продолжала мамаша невозмутимо. — Больно не было бы, клянусь. А так всем хлопоты. Тебя достанут, родной. И раньше, чем ты думаешь.

— Это вряд ли.

— Слушай, убрал бы ты жмурика, а? От него воняет.

— Не может быть. Он совсем свежий. Свежее, чем ты думаешь.

Вовчик посмотрел в зеркало заднего вида. В двадцати шагах позади «ровера» сидела собака грязно-белой масти. В зрачках тлели красные точки — скорее всего отражения габаритных огней автомобиля. Справа от дороги тянулся глухой кирпичный забор; слева находился «Салон ритуальных услуг». Вовчик улыбнулся при мысли о том, что случится, завались он туда с покойником (или с двумя). Возможно, будет весело, но

экспериментировать не стоило.

— Чего лыбишься? — спросила Ида подозрительно. Он понял, что, хотя старуха неплохо держится, ей все же не по себе. Это было написано на ее сморщенном лобике. Она гадала, что он сделает с ней в следующую минуту. Ида знала правила, но Вовчик снова обманул ее ожидания.

Он перегнулся через спинку, расстегнул наручники и открыл дверцу.

— Катись.

— Я тебе лично яйца отрежу и заспиртую на память, — пообещала Ида, неуклюже выбираясь на дорогу. Ее затекшие ноги дрожали. Похоже, она все еще не верила в освобождение и опасалась пули в затылок. Правила действительно предписывали убрать бабульку и зарыть поглубже, однако Вовчик подозревал, что с некоторых пор правила сильно изменились. Здесь Ида представляла для него не бóльшую угрозу, чем бродячая собака, а жизнь старухи, абсолютно беспомощной без ее «мальчиков», стоила еще меньше. Кстати, никакого запаха, кроме аромата кожаных чехлов, он не почувал.

Вовчик включил передачу и медленно поехал дальше, наблюдая за тем, как растворяется в полутьме силуэт Иды. Мамаша торопилась слинять, пока он не передумал. Белый пес, наоборот,

потрусил за «ровером». Он не приближался, но оставался в пределах видимости.

Похоже, бармен не обманул. В городе не было ни гостиниц, ни мотелей. Более того — Вовчик не видел гаражей или заправочных станций. Так что за бензином придется ехать на ту единственную, которую он встретил по пути сюда. И до сих пор — ни одной припаркованной или движущейся тачки. Может, тут живут одни «зеленые»? Не надышатся перед смертью чистым воздухом. Впрочем, было не похоже, что все обреченные вернулись к природе.

Он устал. Это не значит, что в случае необходимости он не продержался бы еще пару суток без сна. Но он хотел быть в форме, когда начнется игра. А может, игра *уже* началась? От этой мысли становилось как-то не по себе. Дождаться бы утра. С местными обычаями лучше знакомиться при дневном свете...

Смирившись с тем, что придется спать в машине, Вовчик выбирал место для стоянки. Даже с этим возникли проблемы. Втиснуться на узкий тротуар удавалось только правыми колесами, что создавало дополнительные неудобства... Небольшая площадка перед каким-то кафе наконец показалась Вовчику подходящей. Днем здесь, наверное, расставляли столики, которые сейчас пылились под полотняным навесом вместе с перевернутыми пластиковыми стульями.

Вовчик развернул «ровер» капотом к дороге и выключил фары. На стеклянной витрине, оказавшейся слева, можно было прочесть: «Кафе-кондитерская «Сладкая Люся»». Закрывая глаза, Вовчик попытался представить себе эту Люсю. Напрасное занятие; очень скоро он узрел ее во плоти.

* * *

Что-то глухо стукнуло в боковое стекло. Реакция засыпающего Вовчика была мгновенной. Он отклонился, убирая голову с линии возможного удара; рука метнулась за пушкой и остановилась на полпути.

По ту сторону стекла возникла розовая фигура. Ее можно было принять за привидение, но только спросонья. «Сладкая и вдобавок пышная», — подумал Вовчик, с удовольствием разглядывая рыхлые тела и лицо, похожее на ком теста с отверстиями, проделанными штопором. Что поделаешь, он западал на мясистых баб.

Нелепые голубоватые букли, венчавшие голову, выглядели как плохой парик, хотя волосы были настоящими. Ночная рубашка почти не скрывала монументальных форм. Два пухлых кулака забарабанили по стеклу.

Вовчик вполне мог представить себе

подобный персонаж — например, где-нибудь на тонущей посудине во время шторма, когда одна из пассажиров вдруг обнаруживает, что от борта отвалила последняя шлюпка, в которой ей не хватило места, — но, уж конечно, не глубокой ночью в сонном захудалом городке.

— Откройте! — умоляла «сладкая», растекшись грудью по лобовому стеклу. Еще немного — и она влезла бы на крышку капота. У Вовчика были веские основания полагать, что крышка прогнется. «Ровер» ощутимо покачивался на рессорах. «Танк, а не баба», — вяло заключил Вовчик, проклиная это место, где не нашлось самого элементарного — кровати в тихой комнатке для одного тихого уставшего человечка.

— Помогите! Откройте!.. — вопила Люська, разевая рот по ту сторону стекла, как аквариумная рыба. — Прошу вас! Скорее! Еще не поздно...

Вовчик не столько слышал эти назойливые заклинания, сколько читал по губам. Вскоре ему наскучило. Он зевнул и потянулся так, что хрустнули суставы. Потом включил CD-чейнджер. Он терпеливо ждал, когда толстуха отлипнет от его машины. По-хорошему. Если же нет, Вовчик собирался отучить ее от дурных привычек и вылечить от бессонницы.

Но тут позади «сладкой» появился плюгавенький мужичок — тоже в исподнем, зато

вооруженный черенком от лопаты. Не иначе как Люськин супруг. Он подкрался, размахнулся и без предупреждения перетянул свою благоверную поперек спины. Рыхлое лицо исчезло; осталась только огромная распахнутая глотка, в которой можно было разглядеть гланды.

Вовчик снова наслаждался, вкушая немое кино. В полутьме кино было почти черно-белым. Вместо тапера лабал какой-то джазовый клоун, которого Вовчик обычно включал во время долгих ночных перегонов, чтобы не заснуть.

А мужичонка, похоже, совсем слетел с рельсов. Черенок замелькал с чудовищной частотой. Люська сползла куда-то вниз, оставив на стекле темные следы.

Вовчик ненавидел, когда пачкали его машину. Тем более кровью. Тем более что тут не было автомоек.

Он с трудом распахнул дверцу — для этого пришлось отодвинуть стодвадцатикилограммовую тушу в сторону. Мужик был в исступлении и не обращал на него ни малейшего внимания. Черенок врезался в мясо, издавая забавные глухие шлепки. Люська громко и очень эротично стонала. От тяжких телесных повреждений ее надежно защищал толстый жировой слой. Но если тесто может посинеть, это был тот самый случай.

— Я тебе покажу, как убегать, сука! —

приговаривал эзекутор, рыча от удовлетворения. — Я тебе покажу «спасение»! Я тебе покажу «еще не поздно»! Прикончу, падла! Все равно недолго осталось!..

— Слушай, мужик, может, хватит? — сказал Вовчик, с отвращением глядя на поцарапанную, а теперь еще и испачканную дверцу. Смазанные отпечатки Люськиных ладоней тянулись до самого низа.

Драчун сделал паузу и навел на него налитые кровью глазки. Вероятно, он впервые воспринял Вовчика в качестве фрагмента объективной реальности. Затем он пнул «сладкую» ногой.

— Ой! — сказала Люська. И оргазмически застонала: — О-о-о!..

— Это ведь мое! — сказал мужик. — Что хочу, то и делаю.

Возразить было нечего. Вовчик и сам придерживался подобных принципов. Собственность надо чтить — иначе во что превратится этот и без того испорченный люмпенами мир?..

Снизу раздался какой-то хлюпающий звук. Бродячий пес слизывал кровь с асфальта, подбираясь к Люськиной голове.

— А ну забери свою шавку! — с угрозой сказал мужик, подготавливая черенок, который он держал, как городошную битку. Без этой деревяшки

он был бы для Вовчика смехотворным противником. Но и так не представлял собой ничего серьезного.

Пес поднял голову, будто понял, что речь идет о нем. Он пристально уставился на Вовчика. Его зрачки и теперь оставались красными, словно тлеющие уголья, хотя отражаться в них было вроде нечему. Когда Вовчик обратил внимание на розовый нос и цвет внутренних частей стоячих ушей, ему стало ясно, что перед ним альбинос. Если таковые вообще встречаются среди собачьего племени. «Впрочем, луну с черепом тебе тоже не покажут ни в одной планетарии...»

Пес пялился на Вовчика неотрывно, как будто ждал от него каких-то действий. Или приказа. Или искал защиты. Или одобрения... Не дождавшись, он снова пригнул голову и слизнул кровь с губ женщины.

Люська поморщилась, будто ей поднесли под нос склянку с нашатырем, а мужик с истошным криком «Ах ты, блядь!» замахнулся для удара, который вполне мог раздробить собачий череп...

Внезапно и у него возникла проблема. Проблема состояла в том, что черенок, описавший широкую дугу, задел по пути злосчастный «ровер». На крыле появилась длинная уродливая вмятина.

Этого Вовчик, чтивший свою собственность выше любой другой, уже не вынес. Его реакция

была мгновенной, как будто внутри кто-то отпустил заведенную пружину. На несколько секунд он позволил себе потерять контроль.

За это короткое время он успел сломать плюгавому руку, вытащить пистолет и привести рукоятку в соприкосновение с его же левой височной областью. Соприкосновение получилось чуть более сильным, чем надо. Мужик дернулся, хрюкнул, обмяк, потемнел и рухнул рядом со своей половиной. И сделался неподвижен.

Вот тут-то Вовчик понял: с трупами выходит явный перебор. Как в черной комедии. Со стороны смешно, но он-то не видик смотрит!

Из города придется убираться. Чем раньше, тем лучше. Прямо сейчас? Точно! А ведь он искренне хотел узнать, что это такое — заслуженно спокойная жизнь мирного обеспеченного пенсионера. Да, видать, не судьба! Игра получается дурацкой. Вместо противника — унылые кретины. Вместо обещанной призовой охоты на двуногую дичь — сплошные недоразумения. Каково это — иметь все, что душа пожелает, и за одну ночь превратиться в Вечного Жида? Вовчик стал противен сам себе. Раньше он не размякал; наверное, этот чертов хоспис для конченных так на него действует...

Он влез на водительское сиденье и обнаружил справа от себя прыщеватое создание, совсем

недавно отпраздновавшее первую менструацию. Создание было одето в грязноватый халатик со слониками. Оно задрало босые ноги на переднюю панель и сосало «чупа-чупс».

— Ты кто такая, мать твою?! — Вовчика начало тошнить от липнувших к нему аборигенов. Ощущение того, что его вот-вот затянет новое болото и он уже по колено в дерьме, было вполне убедительным, почти физиологическим. Чуть пошевелись — и в штанах зачавкает...

— Гы, — сказала создание, демонстрируя небольшую задержку в умственном развитии — лет так на десять — и дефекты речи. — Покатаеф, дядя? А я тебе конфефу дам.

Вовчик уже протянул руку, чтобы схватить эту недоделанную Лолиту за пучок осветленных перекисью волос и вышвырнуть вон, но потом вдруг передумал. Он решил взять девчонку с собой. Будет чем торговаться с легавыми. Теперь Вовчик почему-то был уверен, что легавые в этом городе все-таки есть. Во всяком случае, есть кто-то, надзирающий за порядком. Кто-то, кого местные до смерти боятся.

— Покатаю, — нехорошо улыбнулся он. — Перебирайся назад... к дедушке.

— Дедушка шпит?

— Ага. Вечным сном. И ты поспи.

Он развернул «ровер» так, чтобы продолжать

движение на запад. Возврата, конечно же, не было.

— Ты будеш ехать быфстро? — спросила девчонка, положив голову на колени «дедушке», завернутому в плащ.

— Быстро.

— Это хорофо. Папка фказал, фто утром мы фсе умрем.

— Ну, насчет себя твой папка угадал. А что он еще сказал?

— Фто придет... как ефо... забыла...

— Кто придет?

— Пс-с-с-с...

Девка уже засыпала, посасывая вместо карамели свой большой палец.

«Дурдом», — покачал головой Вовчик и вдавил в коврик педаль газа. Не было смысла проявлять осторожность. «Ровер» понесся по улице как пуля. Альбинос оторвался от своего теплого коктейля с одуряющим запахом и долго смотрел вслед удаляющимся красным фонарям, пока они не стали неотличимыми от его собственных зрачков. Он даже не дернулся — знал, что ему не догнать металлическое зловонное чудовище. Или знал что-то еще...

* * *

И снова была прямая лента шоссе, ныряющая

в черную дыру запада, и темные поля слева и справа, заросшие сорняками, и багровеющая луна с черепом, все больше похожая на надрезанный апельсин. Однажды Вовчику показалось, будто через поле бредет кто-то — изломанная фигура во всем черном, если не считать белого воротника и белых же манжет. Какая-то нелепая шляпа скрывала лицо.

Незнакомец двигался размашистыми шагами; когда его и «ровер» разделяло минимальное расстояние, девка вдруг громко застонала во сне. Вовчик ощутил, как холодный ветер лизнул его коротко стриженный затылок — невесть откуда взявшийся ветер внутри наглухо закупоренной металлической коробки...

Существо в черном вытянуло руку и показало кулак с отставленным большим пальцем. Возможно, оно голосовало, а возможно, давало понять, что у него все классно. Или у Вовчика все классно. Или у них обоих.

Во всяком случае Вовчик даже не сбросил скорости. Закрытая зона его достала. Глаза слипались. Вдруг оказалось, что можно с вожделением думать о такой чепухе, как чашка кофе или амфетамины. Вовчик не догадался захватить с собой термос. Он представлял себе зону чем-то вроде электрифицированного Дикого Запада, где все продается или достается сильному

задаром. Подобные правила прились бы ему по душе. Старые первобытные правила — без этой демократической гнильцы, свидетельствующей о вырождении...

Он поклацал клавишами приемника. Весь FM-диапазон был по-прежнему пуст, как в канун изобретения радио. Музыкальная жвачка на компакт-дисках давно осточертела. Пришлось слушать шорох шин и гул набегающего потока воздуха, которые действовали лучше любой колыбельной. Несколько раз Вовчик вскидывал голову и ловил себя на том, что уже гремел бы костями в кювете, если бы дорога не была идеально прямой. О возможности столкновения со встречными автомобилями он и не вспоминал. А возникни сейчас перед бампером очередной придурок на кляче — задавил бы почти с удовольствием...

Слабые огни впереди показались раньше, чем он предполагал. На его часах было около половины четвертого. Дорогой хронометр не обманывал — и где же тогда обещанный рассвет?

Судя по небольшим размерам освещенного пространства, он подъезжал к следующему придорожному балагану. Понимание пришло вскоре. Так проявляется фотобумага: сначала видишь только пятна разной интенсивности, потом наступает момент узнавания. Хаотическая мозаика

складывается во вполне определенную картинку.

С каким-то кислым привкусом во рту и туманом в мозгах Вовчик пересек городскую черту. Он *узнавал*. Придорожные столбы, заборы, витрины, дома, деревья, идиотские урны-пингвины... Все, что он видел совсем недавно, — только в зеркальном отображении. «Какого черта...» — прошептал он, чувствуя, что готов отдать очень многое за пару глотков коньяка.

Проехав мимо кафе-кондитерской «Сладкая Люся», возле которого по-прежнему лежали два тела — одно большое и рыхлое, второе маленькое и скорченное, — он остановился, заглушил двигатель и надавал себе пощечин, а потом потер уши. Кровь прилила к голове, и Вовчик начал мыслить.

Этому предшествовало несколько подготовительных операций. Он подвигал нижней челюстью, поскрипел металлокерамикой («потрясающий эффект живых зубов!») и постучал перстнями. Перстней было несколько. Их перестук оказывал на него релаксирующее и в то же время организующее воздействие. По-видимому, перстни выполняли ту же функцию, что и четки у менее высокоразвитых личностей. Вовчик, конечно, не молился, но приводил мысли в порядок.

Вскоре он поставил несколько простейших экспериментов над собой, которые доказывали со всей определенностью, что он не спит — по

крайней мере в обыденном смысле слова. Ну а как насчет субъективно-идеалистических заморочек? К блужданию в дебрях различных философских систем Вовчик испытывал здоровое отвращение.

Можно было подвести промежуточные итоги. Он въехал в город по той же дороге, по которой выехал полчаса назад. При этом он ни разу не сворачивал. За время его «отсутствия» правое и левое, север и юг поменялись местами. Он долго пялился на свои руки, чтобы убедиться в том, что не превратился в девочку из Зазеркалья. Эту, как ее... Алису хренову. Швейцарский хронометр по-прежнему болтался на *левом* запястье, а на мизинец *правой* все еще было надето кольцо с яшмой. Для полной ясности Вовчик достал из-под рубашки нательный крест и прочел выгравированную на нем надпись — как полагается, слева направо: «Спаси и сохрани!». Крест был единственной вещью, которая оставалась у него на память о матери. Сам Вовчик, конечно, не верил, что с Иисусом — даже если бы тот существовал — можно было бы так просто договориться. Иисус — это тебе не ФСБ и даже не прокуратура!..

Он посмотрел вперед через лобовое стекло. В свете фар скользили седые клочья предутреннего тумана. Белый пес казался сгустком чуть более устойчивой формы. Увидев его, Вовчик испытал

необъяснимое облегчение, будто встретил земляка в чужой стране. И вместе с тем он вспомнил, что видел когда-то похожую электронно-механическую игрушку с глазами-светодиодами. Игрушка была довольно зловещей и явно не пользовалась успехом у нормальных детишек. А ненормальных всегда меньше.

Взвесив оставшиеся варианты, Вовчик направился к церкви. Девчонка сладко спала на заднем сиденье, тесно прильнув к «дедушке». Что делать с обоими, Вовчик еще не придумал. Утром решит. Для начала надо было обзавестись хоть какой-нибудь крышей — в прямом и переносном смысле. К попам он относился равнодушно, как к пацанам, не посягавшим на чужой бизнес и чужие интересы. По его мнению, попы были вполне безобидными пастухами.

* * *

Церковная дверь по-прежнему была широко распахнута. Яркий свет, бивший изнутри, освещал половину двора и часть площади. Справа от высокого крыльца съезжилась какая-то совсем уж доходная бабулька.

Вовчик поставил «ровер» за церковной оградой и вошел в открытую калитку. В глубине двора находился источник, защищенный от дождя

павильоном с благочестивыми рисунками, черно-белыми в сумерках. Тихо журчала освященная водичка. Купола, возносившиеся ввысь, казались бычьими сердцами в красноватом сиянии подсветки. Из церкви доносилось пение. Стройное, многоголосое и трагическое.

Когда Вовчик взошел на верхнюю ступеньку, на дверь упал бледный луч. Луч теплого, «живого» света, казавшегося почти вещественным среди холодных электрических призраков... Вовчик обернулся. С церковного крыльца восточная часть горизонта просматривалась как на ладони. Ни одно здание, дерево или даже куст не заслоняли место восхода. Возникла иллюзия, что туда ведет долгий спуск, заканчивающийся пропастью, из которой может выбраться только солнце.

Солнце действительно восходило. Новые косые лучи слегка посеребрили облака. В ту же секунду пение стихло. Вовчик услышал напряженное дыхание десятков, если не сотен людей.

«Так вот где они все!» — подумал он ошеломленно. Церковь вместо ночного клуба — подобное не снилось ему и в страшных снах. Психологии местных извращенцев он не постигал хоть убей. «Точно хоспис! — решил Вовчик. — А я сдохну здесь не от пули, а от скуки...»

Он вошел под высокие своды, не

перекрестившись. «Клоуна они из меня не сделают!» Электроэнергию тут действительно не сэкономили. Сверху свисали люстры с десятками лампочек в виде свечек. Настоящие свечки казались красноватыми светляками, роившимися возле икон. Люди сбились в плотную массу. Вовчик остановился за спинами задних, имея пространство для маневра.

Обреченные косились на него, как косились бы на любой новый предмет, возникший в поле зрения. Многие женщины были с детьми, а некоторые мужчины и не думали прятать оружие. Кстати, погремушки были так себе... Дети не спали и выглядели смертельно уставшими. На хорах застыли певчие, похожие на младший медицинский персонал, набранный из числа самых безразличных и тупых пациентов.

Из-за иконостаса появился толстый и представительный поп с окладистой бородой и огромным золотым крестом на брюхе. Глаза нового артиста горели лихорадочным огнем, будто у полководца перед решающей битвой. Гробовую тишину нарушало только однообразное шарканье его подошв да еще сверчок, издававший удивительно мирный звук. Вблизи становилось видно, что поп не слишком аккуратен. Его одеяние было кое-где побито молью и заляпано томатным соусом. А может, и не соусом.

Вовчик впервые в жизни присутствовал на проповеди. Вначале ему понравилось. Это было поучительно и цивилизованно. Суровый седовласый священник высказался не очень вразумительно, зато без слюней — будто император на сборище патрициев, погрязших в удовольствиях, но не находящих удовлетворения. И вдобавок столкнувшихся теперь с необходимостью оплатить порочное времяпровождение.

— Братья и сестры во Христе! Бледный уже близко! Все вы собрались здесь с единственной целью. Многие из вас не осознают этого, но у меня богатый опыт. Сегодня ночью я заглянул в глубину ваших душ, а утром, может быть, загляну еще глубже. Цель каждого из вас — поиск свободы. Всю жизнь вы гоняетесь за жалким призраком. Безрезультатно — потому что вы не там искали. Наш город — это место, где призрак Бледного обретает плоть. Потом призрак обретает кровь. Вы знаете, что для этого нужно — пистолет или нож. Кровоточащий призрак — уже нечто материальное. Плоть и кровь — это наши грешные тела, хрупкие и безнадежно тяжелые оболочки, в которые заключены чистые и трепетные души, по-настоящему алчущие только одного — освобождения! Путь к свободе лежит через изобильные города греха или пустыню святости. Первый путь тяжел; второй — труден неимоверно,

бесконечно. Вы слишком слабы для второго пути. Впрочем, если кто-то хочет попробовать, задняя дверь моей конторы всегда открыта. Билет бесплатный, а средство от искушений обойдется любому из вас всего в сотню зеленых. Но поговорим о насущном. Бледный — воплощенное наказание. Напоминание о том, что высшая справедливость существует. Вам уже напомнили, и вам уже не забыть об этом никогда. Используйте предоставленную возможность! Грех — это прозревшая природа; беспечный путник, впервые оглянувшийся назад. До тех пор лишь демоны и волки видели его спину, а теперь он сам видит оборотней! До того он шел, а теперь ползет, придавленный к грязи грузом своих фантазий и убогой морали. Его демоны навеки с ним! Они вселяются в тех, кого он встречает по пути; оборотни меняют лица и морды, лгут и искушают бесконечно. И тогда уже все равно — двигаться по кругу или замереть в неподвижности... — (В этом месте Вовчик зевнул — ему стало скучно.) — Ничто не спасет ваши тела! Близится последний час, минута расплаты. Я знаю ваш страх и вижу среди вас невинных детей. Впустите Бога в свои сердца с такой же готовностью, с какой вы выпускаете оборотней, и, может быть, спасете хотя бы души!.. Я не говорю про кучку отщепенцев, пропивающих свой последний шанс и погрязших в

блуде. Они — паршивые овцы; их участь будет ужасна, и ужас будет длиться вечно... Я знаю еще кое-что. Некоторые из вас пытались сбежать. Сейчас они отводят глаза. — (Кто-кто, а Вовчик и не думал отводить глаза. Наоборот, он пристально наблюдал за попом, пытаясь поймать момент, когда на сытой морде мелькнет тень улыбки.) — Надеюсь, они поняли свою ошибку и раскаялись. Это было глупо, не правда ли? Бледный назначил встречу *каждому* из вас. *Здесь. Сегодня*. Неужели вы, жалкие идиоты, думали, что он изменит свое решение?!

Обрюзгшая, дурно пахнувшая баба отделилась от толпы и оказалась рядом с Вовчиком. Она проворно сунула руку ему в пах и зашептала:

— Увези меня отсюда, красавчик! Они все здесь психи!..

— А те, в «Дуплете»?

— Конченные психи.

— Отвечаешь? Как насчет тебя?.. Убери руку!

— Я-то в порядке. Если не хочешь, чтобы Бледный тебя выпотрошил...

— Слушай, он начинает мне нравиться, этот ваш маньяк. В натуре. Ты его уже видела?

— Смеешься? Не теряй времени, скоро рассветет.

— Блевать от тебя хочется. Убирайся.

— Скот! Все мужики — скоты, — обреченно

констатировала опустившаяся шлюшонка. — Когда я была помоложе, такие, как ты, лизали мне...

— Гонишь, подруга! Заткни пасть и топай отсюда.

Она отошла, бормоча ругательства.

В этот момент от входа потянуло дымком. Поп замолк. Все обернулись. На пороге церкви сидел пес-альбинос с красными светящимися глазами. Доска перед ним была истерта до желтизны множеством подошв. И сейчас она горела бело-голубым пламенем. Пес мог бы без труда перескочить через нее, но не делал этого. Он сидел и ждал чего-то. Или *кого-то* ?

Какая-то женщина вскрикнула в наступившей тишине. Истерично заплакал ребенок. Раздалось характерное клацанье затвора. У кого-то сдали нервишки...

— Это собака Бледного!!! — вдруг заорал поп, тыча в белую тварь пальцем. — Бледный в городе! Готовьтесь, несчастные! Молись, проклятое племя!..

Вовчику все это показалось бы немного смешным, если бы он не был смертельно уставшим. Он все еще не догонял, почему такая орава вооруженных мужиков не может завалить какого-то Бледного, пусть даже и крутого...

Тем временем отдельные языки огня слились в сплошную полосу, а затем занялась деревянная

дверь. До людей, стоявших поблизости, наконец дошло, что они могут оказаться в огненной ловушке. Толпа с воплями хлынула наружу, подхватив Вовчика, как поток подхватывает бревно. Пес мгновенно убрался из-под ног, избежав опасности затаптывания.

Вовчику пришлось поработать локтями, прежде чем его вынесло к ограде и он с трудом протиснулся через калитку. В результате он отвоевал себе кусок жизненного пространства и оказался в относительно спокойном месте.

Вопреки его ожиданиям паники не возникло. Подошвы бегущих сбили пламя; на пороге не осталось даже тлеющих углей. Дверь горела бы дольше, но под наружной деревянной панелью была стальная плита. Похоже, после того как пес убрался, огонь и так погас бы сам собой. Кто-то метнулся к источнику, принес ведро воды и плеснул на дверь. Раздалось шипение, повалил дым, который быстро рассеялся.

Возбужденные прихожане разбрелись по площади, не зная, что делать дальше. Семенящий поп выскочил из церкви последним. Он обливался потом, ежесекундно крестился и бормотал молитвы.

Эпизод был исчерпан. Пожар не состоялся. Зато снаружи всех ожидал очередной сюрприз.

* * *